

Сургутянин.

Сто лет Сургутской ссылки.

Если бы возможны были юбилей ссылок, то осенью 1926 г. Сургут мог бы отметить один из таких мрачных «юбилеев»: за сто лет перед тем, осенью 1826 г.¹, в затерявшийся среди путанных протоков средней Оби Сургут доставили под конвоем одного из декабристов, поручика Черниг. пех. полка Андрея Ивановича Шахирева. Так началась история политической ссылки в Сургут.

Прежде чем приступить к ее изложению, необходимо наметить главные этапы, которые она прошла за все время существования царской власти. Вслед за кратковременным декабристским периодом (1826—1829 г.г.) в вековой истории сургутской политической ссылки наступил длительный перерыв до середины 60-х годов, когда в Сургут были присланы участники второго польского восстания (1863—64 г.г.); затем до конца 70-х годов наступает новый перерыв в насильственном заселении маленького Обского городка «государственными преступниками». Годы 1877—95 дали Сургуту несколько десятков народников и народовольцев. Вторая половина 90-х годов и первая половина 900-х г.г. не оставили в истории сургутской политической ссылки никакого следа. Доступные обозрению местные архивные материалы молчат об этом десятилетнем периоде; память местных жителей также не хранит ни одного имени из числа высланных на север представителей складывавшихся за эти годы социалистических партий. После разгрома революции 1905 г. ссылка в Сургут возобновляется и притом в небывалых до сих пор размерах⁽¹⁾. Но, в отличие от других уездов тогдашней Тобольской губернии, социальный состав новой сургутской ссылки мало изменился по сравнению с предшествующим народническим периодом. Как тогда, так и теперь историю сургутской политической ссылки заполняют одни и те же имена преимущественно интеллигенция. Однако, если в

¹ 15 августа 1826 г. прибыл в Тобольск, а 16-го «за караулом привезших его в Тобольск 2-х жандармов и квартального» был отправлен в Сургут; время прибытия в Сургут точно неизвестно.

80-х годах в деревенских домиках Сургута лишь изредка мелькали фигуры ссыльных-рабочих, то после 1905 г. их количество значительно возросло. В толпе новых ссыльных можно было заметить и новую фигуру, ранее Сургуту неизвестную: крестьянина-революционера. В эти годы, особенно в период 1906—8 г.г., Сургут стал местом массовой политической ссылки. К 1912 г. вся эта волна схлынула, но ссылка в Сургут не прекратилась. В России появились первые проблески возрождающегося революционного движения, и Сургут вновь увидел на своих зеленых улицах уже привычные фигуры «политиков». На этот раз их было немного,—главным образом, подьяки-рабочие. Этот последний период завершился одновременно с концом династии Романовых.

Таким образом, история сургутской политической ссылки делится на пять периодов:

- 1) декабристский период (1826—29);
- 2) польский период (60-е годы XIX в.);
- 3) народнический период (1877—1895);
- 4) период массовой полит. ссылки (1906—1911);
- 5) предреволюционный период (1912—1917).

В мемуарной литературе по истории политической ссылки Тобольский Север занимает едва ли не последнее место по степени внимания к этому «гиблому краю». Известностью пользуется лишь произведение Л. Троцкого «Туда и обратно». Если прибавить к этому всем известному очерку еще два-три менее известных воспоминания, то мы исчерпаем всю мемуарную литературу о тобольской политической ссылке. Все эти произведения обходят полным молчанием восточную часть Тобольского Севера—граничащий с Нарымом Сургутский край. Лишь косвенно, в биографиях некоторых революционеров, отбывавших свою ссылку в Сургуте, да в известных книгах Дж. Кеннана и Дмитриева-Мамонтова проскальзывают отрывочные сведения по истории политической ссылки в этот рыбачий «город». Немудрено поэтому, что в настоящее время не представляется возможности нарисовать мало-мальски полную и достоверную картину политической ссылки в Сургут. Со стороны личного состава только первый период сургутской политической ссылки—декабристский—освещен с исчерпывающей полнотой. Остальные периоды ждут еще внимательного любовного исследования.

Как уже сказано, отцом сургутской ссылки был декабрист А. И. Шахирев, первый из декабристов, поселенных в Тобольском крае вообще. Он родился в 1799 году и в момент ареста был адъютантом бригадного командира г.-м. Тихановского. Вступив в «Общество Соединенных Славян» всего за пять месяцев до ареста, А. И. Шахирев, при ликвидации восстания декабристов, был осужден по VIII разряду, приговорен в Сибирь на вечное поселение, замененное вскоре ссылкой на 20 лет, и по «высочайшему повелению» назначен к поселению в г. Сургуте.

Царское правительство не ошиблось, назначив местом ссылки своего опального офицера Сургут. Даже в настоящее время Сургутский край представляет собою наиболее дикую и обделенную культурой часть Тобольского Севера. На весь край величиной чуть не с Италию нет ни одной электрической станции, ни одного парового котла; даже керосин проник далеко не повсюду, и для большинства жителей край единственным искусственным источником света и тепла до сих пор служит примитивный остяцкий камин («чувал») или еще более первобытный камелек. Если теперь Сургут едва переваливает за 1.000 жителей и безнадежно застыл на этом «сельском» уровне, то можно себе представить, чем был Сургут столетие тому назад! Расположенный на старом арестантском пути из «России» в Сибирь, на р. Оби, Сургут в те далекие времена насчитывал среди своих жителей только несколько сот человек-казаков, чиновников и мещан с членами их семейств. Русское население ютилось исключительно в долине р. Оби, а все остальное пространство было покрыто болотами и лесами с редкими остяцкими юртами по берегам рек да с переносными чумами «лесных самоедов». Высшей властью в крае был «отдельный заседатель». Если к нему прибавить сотника казачьей команды, соляного пристава и мещанского старосту, то мы исчерпаем весь состав правящей верхушки дореформенного Сургута. Как видно из донесения тогдашнего тобольского губернатора о смерти А. И. Шахирева, в Сургуте 100 лет тому назад не было хотя бы плохонького «лекаря», и зачинатель сургутской ссылки каждый день подвергался риску умереть от пустяковой болезни.

Первый год ссылки А. И. Шахиреву пришлось провести в чрезвычайно тяжелых условиях—и правовых, и материальных. Отправляя Шахирева в августе 1826 г. в Сургут, тобольский губернатор одновременно предписал сургутской администрации, «назначив Шахиреву неперемное и безотлучное жительство в самом Сургуте, иметь строжайший надзор (не делая ему никаких обид) как за поведением его, так и за тем, чтобы он ни под каким видом не осмеливался отлучаться из города ни на шаг». Запрещены были Шахиреву и «неблаговидные» связи с сургутскими гражданами. Таким образом, по мысли тобольской администрации, отражавшей настроение центра, Сургут должен был стать для Шахирева тюрьмой без решеток. Очень походила на тюремную и пища Шахирева: ему выдавался из сургутского хлебозапасного магазина «на пропитание» солдатский паек, который тогда немногим отличался от тюремного пайка. Выдавался также комплект обыкновенной крестьянской одежды. Своих денег у Шахирева в Сургуте не было. Только в начале 1828 г., за 3—4 месяца до смерти, он получил из России оставшиеся там его деньги (2.650 р.), и материальное положение его изменилось к лучшему. К этому времени потеряли свою остроту и те строгие предписания, которыми тобольская губернская администрация пыталась отравить Шахиреву годы изгнания: привикнув к скромному ссыл-

ному декабристу, страдавшему к тому же эпилептическими припадками, сургутская администрация смотрела сквозь пальцы на его «незаконные отлучки» и слала в Тобольск лестные аттестации о его «хорошем поведении». Шахирев установил дружеские отношения с местными жителями и иногда вместе с ними промышлял рыбу и дичь. В одну из таких поездок он и погиб. Официальное отношение тобольского губернатора о смерти Шахирева было составлено в следующих выражениях: «Государственный преступник Шахирев, находившийся в Сургуте, 16 числа мая (1828 г.—С.), отлучась из оного в седьмом часу вечера, без дозволения сургутского отдельного заседателя, с мещанином Силиным версты за четыре для промысла птицы, на другой день, 17 числа, обращаясь в Сургут, умер скоропостижно». Смерть Шахирева последовала от апоплексического удара. Как умерший «без покаяния», Шахирев был похоронен за оградой кладбища, но впоследствии кладбище разрослось, и свежие могилы обступили, а затем и совсем поглотили забытую могилу безвестного декабриста. Теперь можно указать только тот участок кладбища, где похоронен Шахирев, но могила его затерялась среди соседних могильных холмов. Все попытки отыскать эту могилу, предпринятые автором этих строк в 1927 г., ни к чему не привели.

Шахирев умер молодым человеком, 29 лет.

Едва за оградой сургутского кладбища пасылали свежий могильный холм над первым ссыльным декабристом, как из Тобольска доставили в Сургут еще одного декабриста—Василия Карловича Тизенгаузена.

В. К. Тизенгаузен родился в 1781 г. и в момент ареста был командиром Полтавского пехотного полка в чине полковника. Будучи членом Южного Общества, В. К. Тизенгаузен был арестован в Бобруйске 1 января 1826 г., доставлен в Петербург, посажен в Петропавловскую крепость, осужден по VII разряду и по конфирманции 10 июня 1826 г. приговорен в каторжную работу на 2 года. Еще до отправки в Сибирь Тизенгаузен получил сокращение срока каторги до одного года, по отбытии которого в одном из нерчинских рудников он был через Тобольск доставлен в Сургут на поселение. Точная дата прибытия его в Сургут неизвестна: известен только день отъезда его из Тобольска—4 (16) июня 1828 г. Ничего неизвестно и о жизни Тизенгаузена в Сургуте. Повидимому, и ему не миновать бы участи своего предшественника по сургутской ссылке, если бы он осужден был на длительное пребывание в Сургуте, где не было тогда ни «лекаря», ни больницы. Но Тизенгаузен в первую же зиму заболел, а по выздоровлении отправлен был через два месяца уже не обратно в Сургут, а в более южный пункт тогдашней Тобольской губернии, г. Ялуторовск, где и провел всю свою ссылку. В 1853 г. Тизенгаузен получил право вернуться в Европейскую Россию, поселился в г. Нарве и умер там 25 октября (6 ноября по юлианскому стилю) 1857 г. глубоким стариком, 76 лет от роду.

С отъездом Тизенгаузена из Сургута в Тобольск кончился декабристский период местной ссылки, и Сургут вплоть до середины 60-х годов оставался свободным от политических ссыльных.

Подавление второго польского восстания привело в Сургут новую группу «государственных преступников» — поляков-повстанцев. Сколько их обосновалось в Сургуте, в точности неизвестно; память сургутян-старожилов хранит только пять имен (Яворского, Мицкевича, Малиновского, Богинского и Станевича). Но было их несомненно больше. Ссыльные поляки жили обособленной, замкнутой группой. Лишь один из них порвал со своими товарищами—А. К. Станевич. Ради женитьбы, он принял православие, а затем примирился и с русским самодержавием, превратившись в один из маленьких винтиков правительственной машины. Пользуясь покровительством исправника, своего «крестного» отца, Станевич сначала устроился секретарем при полицейском управлении, а потом был переведен в Тобольск, где докатился до должности начальника тюрьмы. Товарищи по ссылке жестоко, не удачно мстили Станевичу за измену. Однажды ночью они безуспешно пытались ворваться в дом, где он жил, и покончить с ним. В другой раз они поставили на ночь капкан, преградив им путь в уборную, но и тут потерпели неудачу: вместо Станевича в капкан попала собака.

Сколько-нибудь прочных следов польский период сургутской ссылки по себе не оставил. Если бы не описанный выше трагикомический случай, об этом периоде вообще не сохранилось бы никаких воспоминаний.

Иное дело—народнический период сургутской ссылки, включающий в себя и ссыльных народовольцев (1877—1895 гг.). И по своей продолжительности, и по высокому качеству личного состава ссыльных, и по степени их культурного влияния на местное население этот период оставил заметный след в жизни «гиблого» Сургутского края. Среди нескольких десятков ссыльных, заброшенных в эти годы в Сургут, было не мало лиц, получивших впоследствии известность или в качестве выдающихся революционеров, или в качестве общественных деятелей, литераторов, путешественников и т. д. К этому периоду относится пребывание в Сургуте таких людей, как участники процесса 50: Лев Иванов (2), рабочий Семен Аганов (3) и Е. И. Прушакевич-Аверкиева (4), осужденный по делу Южно-Российского Рабочего Союза В. Я. Мрочковский (5), будущие жертвы якутской трагедии Н. Л. Зотов (6) (казнен в Якутске) и М. П. Орлов (7), участник демонстрации на Казанской площади Н. Я. Фалин (8), «долгушинец» И. И. Папин (9) (сам по происхождению сургутянин), исследователь Алтая и сибирской общины С. П. Швецов (10), В. Я. Яковлев-Богучарский (11) (впоследствии редактор «Былого») и другие. Печальную известность получил в 90-х годах редактор первого легального марксистского журнала «Начало» Гурович (Гуревич) (12), также бывший сургутский ссыльный, разоблаченный впоследствии, как злост-

Иван Иванович Гольц-Миллер

Сергей Порфирьевич Швецов

Елизавета Петровна Дурново-Эфрон

Дмитрий Николаевич Благовос

ный провокатор, но изменивший делу революции уже в Якутке, куда он попал из Сургута.

Длинную вереницу ссыльных этого периода открыл машинист Виталий Яковлевич Мрочковский, доставленный в Сургут в 1877 г. и проживший в нем около 20 лет¹. Вскоре за ним привезли в Сургут Н. Я. Фалина, осужденного на вечное поселение⁽¹³⁾. За ним последовали: киевский студент Дм. Дм. Лейшин⁽¹⁴⁾, административным порядком высланный в Сургут из Полтавы в 1879 г.; Серг. Порф. Швецов, сосланный на поселение и доставленный в ссылку в сентябре 1880 г., а в мае следующего года уже перебравшийся в г. Тару, Тобольской губернии; Лев Андр. Иванов, переведенный в Сургут из Туринска через месяц после привоза сюда С. П. Швецова, и т. д.

Но особенно обильную «денту» дал Сургуту 1887 г. В этом году по Западной Сибири прокатилась волна репрессий против политических ссыльных. В результате этих репрессий Сургут и Березов были заполнены ссыльными, переведенными на Тобольский Север из более южных пунктов Западной Сибири. К осени 1887 г. в Сургуте скончилось около 30 политических ссыльных, а считая нескончившихся, — более 50 человек. Были среди них и многодетные — супруги Аверкиевы (четверо детей)⁽¹⁵⁾, Калетаевы и Заремба. Холостые ссыльные в зиму 1887—88 г.г. почти все помещались в одном доме — в бывших казармах; семейные разместились по отдельным квартирам.

В какие же условия были поставлены первые ссыльные пародники?

К 80-м годам Сургут недалеко ушел по части «культуры» от декабристской эпохи. Единственным реальным приобретением культуры были пароходы. Все остальное пребывало неизменным, отодвигая Сургут к началу XIX века. Здравствующий и поныне С. П. Швецов² в таких выражениях рисует «культурный» облик Сургута начала 80-х годов: «Из «культурных» учреждений в мое время были: больница Приказа общественного призрения, но без врача, без фельдшера, без белья и медикаментов; начальная школа, но без учителя (зимой учитель приехал, но весной застрелился); метеорологическая станция II разряда, но без наблюдателей, хотя и

¹ Первым политссыльным в Сургуте за пароднический период был крестьянин дер. Высоковой, Дмитриевского уезда, Московской губ., Николай Васильев, ткач. Род. в 1847 г. Судился по делу «50-ти», осужден к 9 годам каторги, замененной ссылкой на поселение. В Сургут доставлен в оковах в ноябре 1877 г. В начале следующего июня арестован «за дерзкие слова» и уведен в Тобольск, в тюрьму. Назначен был к ссылке в Верхонск, Якутской области, но в июне 1877 г. умер в Тобольской тюрьме.

Прии. С. П. Швецова.

² Пользуюсь, здесь случаем, чтобы поблагодарить С. П. Швецова и Л. Н. Лебедева за их помощь в деле ознакомления с прошлым сургутской политической ссылки.

с инструментами (спустя около года, заведывание его взял на себя политический ссыльный Л. А. Иванов). Никаких других культурных учреждений я не припомню... Не было аптеки, акушерки, даже осповивателя; библиотеки, конечно, тоже не было, как ни у кого (кроме политссыльных) не было и книг... При мне привезли первую лампу и первую тележку. Но керосина не было, не было никуда и дорог, а потому ни та, ни другая при мне применения не получили... Летом, когда нужно было что-нибудь перевезти, употребили... дровни! Какая уж тут культура!».

Само собою разумеется, и помину не было о телеграфе. Отсутствие телеграфа особенно остро чувствовалось во время весенней и осенней распутиц, когда на 1—1½ месяца Сургут терял всякую связь с внешним миром.

Очутившись в этой дыре, ссыльные прежде всего должны были подумать о заработке: чем жить? где найти работу? Пионерам сургутской ссылки пришлось очень туго. Мы имеем по этому вопросу авторитетное свидетельство одного из бывших сургутских ссыльных С. П. Швецова: «Никакого заработка, хотя бы самого ничтожного, в Сургуте иметь нельзя было, кроме как за физический труд, притом тяжелый, — пишет он. — Мрочковский в начале ссылки нанимался в работники к местному торговцу, заготавливал для него сено, рубил дрова, выполнял домашние тяжелые работы, получая за это по 3 рубля в месяц¹. Часть товарищей, позднее прибывших, сразу же обратилась к ремеслу. Некоторые из них приехали в Сургут уже опытными работниками и знатоками ремесла; это были В. Я. Мрочковский, А. Н. Аверкнев, Семен Агапов и другие. В. Я. Мрочковский вскоре же устроился слесарем и молотобойцем в кузнице своего будущего тестя, местного крестьянина из уголовных ссыльных, а затем, женившись, стал хозяином кузницы. Кузнецами заделались и еще двое—Аверкнев и Заремба. Семен Агапов открыл сапожную мастерскую (до сих пор в Сургуте хранится оставшаяся после него сапожная машина). Шитьем обуви жил и тов. Рудницкий (сапожник по профессии). Однако, большинству ссыльных пришлось впервые спознаться с ремеслом в Сургуте. К занятию тяжелым физическим трудом побуждало ссыльных не столько стремление следовать своим убеждениям (хотя и оно играло свою роль), сколько нужда в заработке. Большинство ссыльных были люди малосостоятельные. Детей богатых родителей среди них было немного. Но и те из них, кто имел регулярную помощь с родины, как например, Вал. Алексеевич Броневский⁽¹⁰⁾ и Ник. Ив. Гомалицкий⁽¹⁷⁾, жили очень скромно.

— Если товарищи ели черный хлеб, то и они ели черный; белый — так уже все белый, — рассказывает про них местный старожила В. Ф. Клепиков:

¹ С. П. Швецов. «Ник. Як. Фалин». «Кат. и Сс. 1925 г., № 3 (16), стр. 215.

Тот же В. Ф. Клепиков так характеризовал упомянутого выше Гомалицкого:

— Человек он был хрупкий, нежный, а все же и он вместе со своими товарищами занимался тяжелым трудом. Он стал учиться кузнечному ремеслу у своих более опытных и более сильных товарищей, В. Я. Мрочковского и А. Н. Аверкнева.

В конце-концов, все мастерства стали обслуживаться в Сургуте исключительно ссыльными, но все они давали ничтожный заработок. В своих неопубликованных воспоминаниях о сургутской ссылке Ал. Никифор. Лебедев⁽¹⁸⁾ сообщает, например, что, работая молотобойцем, он зарабатывал в месяц около 6—7 рублей.

Ссыльные не только сами занимались ремеслом, но передали свои знания местным жителям. Лучший сургутский столяр и плотник Ив. Фед. Кайдалов, искусству которого обязаны своим появлением все крупные и изукрашенные постройки Сургута, наиболее тонким столярным работам научился у Льва Андреевича Иванова, превратившегося в Сургуте в искусного столяра.

Административным ссыльным от «казны» выдавали пособие, но его на жизнь не хватало. Ежемесячно выдавалось по 6 рублей для лиц «привилегированных сословий»: 1 р. 50 к. «квартирных» и по 15 к. в день «кормовых»; «непривилегированных» по 3 р. 30 к.: 1 р. 50 к. «квартирных» и 6 коп. в день «кормовых»; в месяцы, имеющие 31 день, выдавалось 3 руб. 36 к. Если ссыльный жил с семьей, то на жену также выдавалось по 3 р. в месяц, а на детей по 1 руб. 50 коп. Два раза в год выдавалось пособие на одежду. Пробовали ссыльные объединяться и правильно-организованные коммуны, с общим бюджетом, с выборными старостами и т. п. Но опыты коммунального хозяйства не всегда удавались. Про один из таких неудачных опытов с добродушным юмором рассказывает упоминавшийся выше А. Н. Лебедев. «В начале зимы 1887 года, — рассказывает он, — мы решили объединиться в коммуну. Прожили несколько месяцев, и коммуну пришлось распустить. Ни споров, ни ссор никаких не было; жили все очень дружно; раскоммуниться же пришлось по коммерческим соображениям. Я был одним из трех старост и хорошо помню, на чем мы базировались, индивидуализируя продовольственную часть. В одиночку мы все как-то продовольствовались; как, — это был секрет каждого. А когда сошлись в коммуну, средства соединили, а секреты остались при каждом. Стали голодать и решили вернуться в первообытное состояние. При ликвидации сургутской ссылки (после побега А. Н. Лебедева и Ив. Лазаревича.—С.) все секреты вышли наружу в форме долгов местным жителям; долги выплачивались уже по возвращении на родину».

Первые политические ссыльные возбуждали к себе в местных жителях чувство недоверия, а подчас и страха, постепенно уступившего место уважению, а иногда и дружбе. Привыкнув иметь дело с

С отъездом Тизенгаузена из Сургута в Тобольск кончился декабристский период местной ссылки, и Сургут вплоть до середины 60-х годов оставался свободным от политических ссыльных.

Подавление второго польского восстания привело в Сургут новую группу «государственных преступников» — поляков-повстанцев. Сколько их обосновалось в Сургуте, в точности неизвестно; память сургутян-старожилов хранит только пять имен (Яворского, Мишкевича, Малиновского, Богинского и Станевича). Но было их несомненно больше. Ссыльные поляки жили обособленной, замкнутой группой. Лишь один из них порвал со своими товарищами—А. К. Станевич. Ради женитьбы, он принял православие, а затем примирился и с русским самодержавием, превратившись в один из маленьких винтиков правительственной машины. Пользуясь покровительством исправника, своего «крестного» отца, Станевич сначала устроился секретарем при полицейском управлении, а потом был переведен в Тобольск, где докатился до должности начальника тюрьмы. Товарищи по ссылке жестоко, не удачно мстили Станевичу за измену. Однажды ночью они безуспешно пытались ворваться в дом, где он жил, и покончить с ним. В другой раз они поставили на ночь капкан, преградив им путь в уборную, но и тут потерпели неудачу: вместо Станевича в капкан попала собака.

Сколько-нибудь прочих следов польский период сургутской ссылки по себе не оставил. Если бы не описанный выше трагикомический случай, об этом периоде вообще не сохранилось бы никаких воспоминаний.

Иное дело—народнический период сургутской ссылки, включающий в себя и ссыльных народовольцев (1877—1895 гг.). И по своей продолжительности, и по высокому качеству личного состава ссыльных, и по степени их культурного влияния на местное население этот период оставил заметный след в жизни «гиблого» Сургутского края. Среди нескольких десятков ссыльных, заброшенных в эти годы в Сургут, было не мало лиц, получивших впоследствии известность или в качестве выдающихся революционеров, или в качестве общественных деятелей, литераторов, путешественников и т. д. К этому периоду относятся пребывание в Сургуте таких людей, как участники процесса 50: Лев Иванов (2), рабочий Семен Агапов (3) и Е. И. Прушакевич-Аверкиев (4), осужденный по делу Южно-Российского Рабочего Союза В. Я. Мрочковский (5), будущие жертвы якутской трагедии Н. Л. Зотов (6) (казнен в Якутске) и М. П. Орлов (7), участник демонстрации на Казанской площади Н. Я. Фалин (8), «долгушинец» И. И. Папин (9) (сам по происхождению сургутянин), исследователь Алтая и сибирской общины С. П. Швецов (10), В. Я. Яковлев-Богучарский (11) (впоследствии редактор «Былого») и другие. Печальную известность получил в 90-х годах редактор первого легального марксистского журнала «Начало» Гурович (Гуревич) (12), также бывший сургутский ссыльный, разоблаченный впоследствии, как злост-

Тот же В. Ф. Клешиков так характеризовал упомянутого выше Гомалицкого:

— Человек он был хрупкий, нежный, а все же и он вместе со своими товарищами занимался тяжелым трудом. Он стал учиться кузнечному ремеслу у своих более опытных и более сильных товарищей, В. Я. Мрочковского и А. Н. Аверкиева.

В конце-концов, все мастерства стали обслуживаться в Сургуте исключительно ссыльными, но все они давали ничтожный заработок. В своих неопубликованных воспоминаниях о сургутской ссылке Ал. Никифор. Лебедев (18) сообщает, например, что, работая молотобойцем, он зарабатывал в месяц около 6—7 рублей.

Ссыльные не только сами занимались ремеслом, но передали свои знания местным жителям. Лучший сургутский столяр и плотник Ив. Фед. Кайдалов, искусству которого обязаны своим появлением все крупные и изукрашенные постройки Сургута, наиболее тонким столярным работам научился у Льва Андреевича Иванова, превратившегося в Сургуте в искусного столяра.

Административным ссыльным от «казны» выдавали пособие, но его на жизнь не хватало. Ежемесячно выдавалось по 6 рублей для лиц «привилегированных сословий»: 1 р. 50 к. «квартирных» и по 15 к. в день «кормовых»; «непривилегированных» по 3 р. 30 к.: 1 р. 50 к. «квартирных» и 6 коп. в день «кормовых»; в месяцы, имеющие 31 день, выдавалось 3 руб. 36 к. Если ссыльный жил с семьею, то на жену также выдавалось по 3 р. в месяц, а на детей по 1 руб. 50 коп. Два раза в год выдавалось пособие на одежду. Пробовали ссыльные объединяться в правильно-организованные коммуны, с общим бюджетом, с выборными старостами и т. п. Но опыты коммунального хозяйства не всегда удавались. Про один из таких неудачных опытов с добродушным юмором рассказывает упоминавшийся выше А. Н. Лебедев. «В начале зимы 1887 года, — рассказывает он, — мы решили объединиться в коммуну. Прожили несколько месяцев, и коммуну пришлось распустить. Ни споров, ни ссор никаких не было; жили все очень дружно; раскоммунигиться же пришлось по коммерческим соображениям. Я был одним из трех старост и хорошо помню, на чем мы базировались, индивидуализируя продовольственную часть. В одиночку мы все как-то продовольствовались; как, — это был секрет каждого. А когда сошлись и коммуну, средства соединили, а секреты остались при каждом. Стали голодать и решили вернуться в первообытное состояние. При ликвидации сургутской ссылки (после побега А. Н. Лебедева и Ив. Лазаревича.—С.) все секреты вышли наружу в форме долгов местным жителям; долги выплачивались уже по возвращении на родину».

Первые политические ссыльные возбуждали к себе в местных жителях чувство недоверия, а подчас и страха, постепенно уступившего место уважению, а иногда и дружбе. Привыкнув иметь дело с

«варнаками», сургутяне вначале дичились новых ссыльных. Старик и теперь вспоминают со смехом, как женщины, при появлении в домах первых политических ссыльных, в страхе убегали, отдавая им «в жертву» все свое достояние, лишь бы «спасти» свою жизнь. Но вскоре сургутяне не только привыкли к «государственным», но нашли в них занимательных собеседников, хороших и искусных работников и помощников во всяком «умственном» деле.

Все старики Сургута отзываются о ссыльных 80-х г.г. с необыкновенной теплотой.

— Люди были ученые, сознательные и добрые, — говорит, например, Д. И. Кайдалова. — Друг дружке всегда помогали.

— Дружный был народ и в беде помогали не только что друг дружке, а и нам, жителям, — вспоминает другой старожил Сургута, восьмидесятилетний старик Н. Буканин. — Всегда помощь окажут. Только к купцу не ходи. Торговых они шибко не любили. Народ все ремесленный был... Иванов, Виталий Блинов, — как же, всех помню. Хорошие были люди... Если померли, — царство им небесное!

Так неожиданно «безбожники» и «цареубийцы» в наивном представлении безграмотного старика нашли себе место в «царствии небесном»...

Кое-кто из сургутян перенял от ссыльных их политическую веру и оказал им впоследствии большие услуги при побеге. Из числа местных крестьян, поддерживавших со ссыльными близкие отношения и вошедших в их круг, назовем теперь уже покойных П. Л. Вергунова, Е. И. Буканина, Н. Я. Баталова, И. Ф. Кайдалова, Л. И. Кушниковца, М. К. Кондакова и др. Некоторые из сургутян были под негласным надзором полиции за свою дружбу со ссыльными, а А. Я. Баталов даже пострадал за это.

Был только один случай враждебного отношения к ссыльным со стороны части сургутян, но и тот был навеян со стороны, в результате агитации командира казачьей сотни. Об этом случае С. П. Швецов рассказывает следующее: «Казак после 1-го марта постановили общественный приговор не держать на квартирах «политических», убивших царя, и объявили нам, чтобы мы в три дня покинули занимаемые нами квартиры, так как они, казаки, цареубийц держать у себя не желают. Приговор был постановлен по наущению офицера, начальника казаков. Жандармы, приставленные специально к нам (их было три унтера), прекратили этот протест «верноподанных» своим вмешательством».

Культурный след, оставленный ссыльными — народниками и народолюбцами, не исчерпывается описанными выше случаями обучения сургутян ремеслу и вовлечением их в круг своих политических интересов. Ссыльные этого периода оставили и более осязательный след своего пребывания в Сургутском крае. В 80-х годах ими были организованы раскопки старинного «городища» на Барцевой го-

ре, возле Сургута. Извлеченные из городища вазы, оружие и другие предметы были отправлены в один из центральных музеев. В этих работах приняло участие до 15 человек: Н. Л. Зотов, В. Ф. Казакевич и другие.

Ссыльные вели наблюдения на местной метеорологической станции.

Первое описание Сургутского края также принадлежит перу политического ссыльного 80-х годов, а именно С. П. Швецова, работа которого («Очерки Сургутского края») была помещена в X выпуске «Записок Зап.-Сибирского Отдела Географич. Общества» (1888 г.). Перу другого политического ссыльного 80-х г.г., И. А. Неглецаева (1^ю), принадлежит еще одна работа о местном крае («Поверья и обычаи Сургутского края»), также напечатанная в одном из выпусков «Записок Зап.-Сиб. Отдела Геогр. О-ва», и ряд более мелких статей и корреспонденций («Самоедская ярмарка в Сургуте» и др.).

Водораздельным событием в истории народнического периода местной ссылки явился побег А. Н. Лебедева и Ив. Лазаревича (2^ю), организованный в начале 1888 г. всей ссылкой в виде протеста против тяжелых правовых и бытовых условий жизни. До побега в Сургуте с каждым годом накапливалось все больше и больше ссыльных; после побега количество «политиков» сразу упало до ничтожной цифры, так как подавляющее их большинство было увезено из Сургута, а затем ссылка год-от-году угасала в результате естественной убыли ссыльных, кончавших сроки и уезжавших в «Россию».

Побег А. Н. Лебедева и тов. Лазаревича подготовлялся исподволь и был заключительным актом кампании протеста.

Недовольство ссыльных вызывалось многими причинами, но особенно волновали их безобразная постановка лечебного дела и связанный с этим риск для здоровья и жизни ссыльных. Единственной на весь край больницей заведывал пьюница-доктор, никогда не заглядывавший в палаты. С утра он заирался в своей избе и в кампани с жандармским «унтером» глушил водку. Чтобы не вводить в заблуждение больных, «унтер» вешал на квартире доктора замок снаружи. В больнице ухаживал за больными остряк с третичным сифилисом. В единственной аптеке не было даже хинина. Между тем среди ссыльных было несколько серьезных больных. Отправка их в Тобольск не разрешалась до получения согласия губернской администрации. При отсутствии телеграфа и при громадных расстояниях на Тобольском Севере необходимость предварительного разрешения из Тобольска для отправки туда больного равносильна была, в случае серьезного заболевания, смерти. Один подобный случай произошел в Сургуте в середине 80-х годов, ярко демонстрируя весь трагизм положения ссыльных в случае их заболевания. Тяжело за-

болел Лев Андреевич Иванов. По общим отзывам, это был недожженный человек как по уму, так и по нравственным качествам. Это он, главным образом, своей пропагандой привлек на сторону ссыльных несколько молодых сургутян. Среди местных жителей он пользовался большой популярностью и авторитетом. Жениться на местной крестьянке, он к моменту заболевания имел уже детей. Казалось бы, не было никаких оснований подозревать его в побеге, а между тем местная администрация ни в коем случае не соглашалась перевести его для лечения в Тобольск. Не помогли ни личные просьбы доктора, ни настойчивые требования товарищей по ссылке. А когда разрешение на перевод было, наконец, получено, было уже поздно: недалеко от Сургута, по пути в Тобольск, Л. А. Иванов умер в лодке. Он был разбит параличом.

И свежее воспоминание о смерти Л. А. Иванова, и произвол с высылкой из более сносных мест ссылки в «гиблый» Сургут, и общее недовольство своим положением — быстро объединили подавляющее большинство товарищей, и к зиме 1887—88 г. сургутская ссылка представляла сплоченную группу людей, решивших протестовать против произвола. После долгих споров, вертевшихся около «максимума» и «минимума» требований, остановились на последнем и предъявили требование об улучшении медицинской помощи. В заявлении на имя тобольского губернатора Тройницкого были выставлены следующие пункты: 1) улучшение аптеки, 2) смена доктора и 3) разрешение больным ссыльным ездить лечиться в Тобольск без предварительного согласия губернатора, а лишь по удостоверению местным врачом факта болезни. Не получив ответа на свое первое коллективное заявление, ссыльные послали напоминание и поставили срок, предупредив, что неполучение ответа на второе заявление будут считать за отказ. Ответа, конечно, не последовало. Ссыльные приготовились к такому отказу и заранее приурочили к нему побег для партийной работы двух товарищей, Лебедева и Лазаревича. Дальнейший ход событий участник побега А. Н. Лебедев описывает так: «Дождавшись поставленного губернатору срока, мы, за подписями всех, послали губернатору письмо на манер ответа запорожцев турецкому султану, прибавив к его чинам еще один: «мерзавец» или «подлец» (в точности не помню). Перечислив в своем заявлении все мотивы, вызвавшие наше решение, мы отказались от исполнения всех обязанностей, лежащих на административных ссыльных, аннулировали свои подписки и первым шагом своего протеста объявляли о побеге двух товарищей. Мы, Лазаревич и я, тоже подписали заявление, но сдать его на почту должны были после того, как, по расчету пути, мы должны были миновать Тобольск». По общему решению, семейные не должны были подписывать заявления; однако, Аверкиевы настояли на своем участии в протесте и тоже подписали заявление.

Смастерив заявление, начали готовиться к побегу. «Пошевики»¹ для поездки изготовил местный крестьянин И. Ф. Кайдалов, бывший квартирный хозяин Лебедева. «Подорожников» напекла его жена, и теперь здравствующая Дарья Ивановна Кайдалова. Ямщиком согласился быть другой сургутянин, Лазарь Ив. Кушников. Чтобы отвлечь внимание сургутян и полиции, ссыльные устроили ряд празднеств с танцами и играми (дело было на масляной неделе). Дождавшись удобного момента, беглецы двинулись в путь по направлению на Тобольск. До околицы их проводил Н. Л. Зотов. Ямщик доставил беглецов до ближайшей остяцкой юрты, сдал их, как нарымских кушцов, а сам, сказавши, что ему некогда, уехал по-своему.

Побег удался на славу. Оба беглеца пробрались за границу. Лебедев попал туда без приключений; Лазаревичу же пришлось долго метаться между австрийской и румынской границами, пока он, отчаявшись, не решил броситься «на уру»: раздевшись на глазах стражи, он, под видом кунаря, поплыл через пограничную реку. Солдаты, в ожидании, что пловец не решится в голом виде предстать перед иностранцами и вернется обратно, не стреляли, и Лазаревич благополучно перебрался за границу, оставив в подарок солдатам свою одежду.

Лебедев вскоре же вернулся в Россию, был затем арестован, мимо Сургута провезен в ссылку в еще более далекую Якутскую область и поселен за Якутском, в устье Лены. Лазаревич навсегда остался за границей.

Между тем, на оставшихся в Сургуте ссыльных надвигалась гроза:

Губернатор был избит дерзостью непокорных протестантов. Решено было проучить «проклятых социалистов». На усмирение сургутян был дан целой военной отряд во главе с тобольским полицеймейстером. Подойдя к Сургуту, отряд занял все дороги и никого не пропуская туда до ночи, по заранее составленному плану, одновременно были заняты все квартиры ссыльных, и всех их согнали в полицейское управление. Отказывавшихся идти добровольно, тащили насильно, в одном белье. Говорят, что в полицейском управлении едва не дошло до боины, аналогичной якутской, в которой впоследствии, через год, пострадали бывшие сургутяне Н. Л. Зотов и М. П. Орлов. Предотвратила трагедию Ел. Ив. Аверкиева. Все ссыльные относились к ней и к ее мужу с глубоким уважением. И когда положение стало особенно напряженным и в одном месте началась уже потасовка, Е. И. Аверкиева поднялась на стол, гневно прикрикнула на зарвавшихся солдат и затем обратилась к товарищам со словом успокоения.

До расследования степени «вины» участников протеста всех задержанных разослали по селам Сургутского уезда, а затем семе-

¹ Легковые свини.

рых из них отравили по этапу в Якутск, а остальных разбросали по деревушкам и селам Березовского уезда, вплоть до Обдорска, на низовьях Оби. Из высланных в Якутск, Н. Л. Зотов и М. П. Орлов, как уже сказано, были захвачены якутским протестом 22 марта 1889 г. и поплатились: Зотов — жизнью, а Орлов — каторгой. Остальные пятеро (Яковлев-Богучарский, Вадзинский⁽²¹⁾, Молдавский⁽²²⁾, Дибобес⁽²³⁾ и Гурович) были поселены в Вилойске, а потом, когда туда направили для отбывания каторги участников якутского протеста, их вернули в Якутск и расселили по улусам. Яковлев-Богучарский, Вадзинский и Молдавский умерли; М. П. Орлов до сих пор живет в Полтаве; о судьбе остальных нет сведений¹. Так закончился протест сургутских политических ссыльных.

Упомянем еще о судьбе пособников побега из числа местных крестьян. Ни ямщик Л. И. Кушников, ни квартирный хозяин Лебедева, И. Ф. Кайдалов, не пострадали. Арестован был только А. Я. Баталин, который отсидел 2 месяца и был освобожден под гласный надзор полиции. Все трое умерли: Л. И. Кушников — в 1912 г., И. Ф. Кайдалов — в 1913 г. и А. Я. Баталин — 17/VI 1927 г.

После развоза участников протеста в Сургуте осталось доканчивать свои сроки незначительное количество ссыльных, уцелевших от репрессий или потому, что они, как семейные, были освобождены от подписания «дерзкого» заявления, или потому, что, по разным мотивам, не приняли участия в протесте.

С каждым годом ссылка таяла. Незначительное количество вновь присылаемых не могло восполнить естественной убыли оставшихся. С угасанием «Народной Воли» угасала и сургутская ссылка. Конец ее народнического периода теряется где-то в середине 90-х годов и не поддается точному определению. Лишь условно мы отнесли его к 1895 г. Одним из последних «девяностников»-сургутян кончал ссылку Чеслав Мечеслав Струмилло-Петрашкевич⁽²⁴⁾, административно-высланный из Саратова.

К числу жертв сургутской ссылки 80-х годов, помимо Льва Иванова, нужно отнести еще Н. Я. Фалина, в 1882 г. переведенного из Сургута сначала в Курган, а затем в Тару и там сошедшего с ума в результате тяжелых переживаний, накапливавшихся постепенно и подавивших его психику. Больше 10 лет промучился Н. Я. Фалин в палате Тобольской психиатрической лечебницы и умер в ней, по видимому, в конце 90-х годов. Точная дата его смерти неизвестна². С. П. Швецов называет Н. Я. Фалина «наиболее трагической фигурой тобольской политической ссылки 1880-х годов»³.

До революции 1905—6 г.г. Сургут перестал быть местом содержания политических ссыльных. Во всяком случае никаких следов пребывания здесь политических ссыльных на рубеже XIX и XX столетий не сохранилось⁽²⁵⁾. Вспомнили о Сургуте тогда, когда потребовалось отыскать надежное место для многочисленных жертв реакции после разгрома революционного движения 1905 г. Начиная с 1906 г., этап за этапом выбрасывал на сургутскую пристань поток «политиков». Это была многочисленная и разношерстная компания представителей всех политических партий, участвовавших в революции, и всех социальных групп. Много было среди них и беспартийных. Главную массу политических ссыльных этого периода составляли административно-ссыльные. В ссылку по суду попадали в Тобольскую губернию лишь в исключительных случаях. Таким исключением в 1906 г. были члены Петербургского Совета Рабочих Депутатов, в торжественной обстановке и с большими предосторожностями доставленные из Питера в Обдорск, куда все они заранее предназначались и откуда все они вскоре же бежали. В Сургутский край не попал ни один из них.

Описание Сургутской ссылки 1906—11 годов полезно предпослать некоторые данные, характеризующие общее положение политических ссыльных Тобольской губернии в эпоху крушения первой революции. Это необходимо сделать, тем более, что на ряду с общими чертами, присущими всей тобольской ссылке, Сургутская ссылка имела свои особенности, которые легче всего понять из сравнения с положением политических ссыльных в других районах Тобольской губернии.

Общее количество политических ссыльных, размещенных по селам и городам Тобольской губернии в течение одного 1906 г., приближалось к тысяче. В одном Тобольском уезде, по точному подсчету делегатов съезда политссыльных Тобольского уезда, происходившего в с. Демьянском (на Иртыше) 25 июня 1906 г., числилось к концу июня 428 человек. Подавляющее большинство новых политссыльных составляли крестьяне и рабочие. Жандармскою рукой вырванные из родной почвы, они оказались на месте своего подневольного жительства без средств, без работы и, главное, без возможности найти эту работу. Между тем казенное пособие было ниже, чем в любой из губерний, служивших местом сосредоточения административных ссыльных, и равнялось 1 р. 50 к. (!) в месяц. Только в Сургутском уезде ссыльные получали в месяц 1 р. 80 к. Для выходцев из привилегированных сословий (дворян, потомств. почетных граждан и студентов) размер пособия был увеличен до 6 р. в месяц. В большей своей части расселенные по селам, политические ссыльные были лишены возможности получать своевременную медицинскую помощь. Плохо было и с почтой. Два раза в год, весной и осенью, на 1—1½ мес. прекращалось всякое сообщение мест ссы-

¹ Гурович умер в 1915 г.—Ред.

² Последние данные Централархива обрываются на 1891 г.—о применении к нему манифеста 16/X/91 г. «в случае его выздоровления». Был ли применен манифест, неизвестно.

³ См. упомянутый выше очерк С. П. Швецова «Н. Я. Фалин», помещенный в № 3 (16) «Кат. и Ссылки» за 1925 г., стр. 218.

ки с Россией — пассажирское, почтовое, а в Сургутском уезде и телеграфное.

Поставленные в условия, явно угрожавшие здоровью и самой жизни, политссыльные искали всевозможных выходов из своего невыносимо-тяжелого положения. Часть ссыльных при первой возможности убегала с мест ссылки и возвращалась к революционной работе; большинство же, после бесплодных попыток найти работу, вставало на путь организованного протеста перед органами власти и перед только что открывшейся тогда Государственной Думой. Систематическое недоедание и перспективы еще более серьезной голодухи нервировали ссыльных и побуждали часть их агитировать за какое-нибудь активное выступление. Так, одно время среди ссыльных назрела мысль — явиться всем к местной администрации с требованием... посадить всех в тюрьму и кормить на те жалкие средства, которые выдавались в виде пособия. Но наиболее распространенной формой протеста ссыльных были телеграммы с описанием условий жизни и с требованием улучшения положения. Одна из таких телеграмм была послана в Госуд. Думу от имени 31 представителя упомянутого выше с'езда политссыльных Тобольского уезда. Этот с'езд дал возможность устроить анкету и собрать исчерпывающие данные о численности, составе и условиях жизни политических ссыльных Тобольского уезда¹.

Всего было подвергнуто опросу 284 человека из общего числа 428 политических ссыльных, т.-е. около 60% административно-ссыльных Тобольского уезда, размещенных в 26 колониях. 73% опрошенных принадлежали к крестьянскому сословию; остальные распределялись по сословиям следующим образом (в абсолютных цифрах): мещан — 47 чел., казаков — 5 чел., дворян — 11 чел., купец — 1, потом поч. гражд. — 7 ч. и разночинцев — 1. Непривилегированные всех разрядов составляли 95% всего количества ссыльных. По профессии опрошенные делились следующим образом: рабочие — 41%, земледельцы — 25%, итого — 66%. Среди остальных было: приказчиков — 46, учителей — 26, конторщиков — 9, фармацевтов — 2, землемеров — 2, профессор — 1, студентов — 15, земский деятель — 1, мелкий торговец — 1, неопред. профессий — 5. По возрасту: до 20 лет — 12%, от 21 до 30 лет — 53%; остальные входили в более высокие возрастные группы: от 31 до 40 лет — 50 чел., от 41 до 60 лет — 33 ч., свыше 60 лет — 2 чел. По партийной принадлежности: с.-д. — 32%, с.-р. — 24%, членов крестьян. союза — 11%, анархо-коммунистов — 6 чел., бундовцев — 4 чел., П. П. С. — 1 чел., беспартийных — 78 чел. (около 27½%). Лишь 10% сосланных было предъявлено обвинение. Больше 2/3 опрошенных (70½%) были арестованы в первый раз. Материальное положение ссыльных отражают

следующие цифры: не получали поддержки из «России» — 69%, имели постоянную работу — 22 человека, случайную — 23 чел. Всего нуждавшихся было 164 человека (около 58%), при чем 29% всех ссыльных не имели ни копейки своих денег.

Немногом лучше было положение политссыльных Сургутского уезда. К лету 1906 г. сюда было выслано в административном порядке 32 человека, а с членами семей, последовавшими в ссылку добровольно, — 40 человек. Прожиточный минимум для Сургутского уезда составлял в 1906 г. 12 руб. в месяц на человека, считая только квартиру и питание (так определяли прожиточный минимум сами ссыльные в своих официальных заявлениях). Между тем казенное пособие, как уже сказано выше, было установлено в размере 1 р. 80 к. для непривилегированных и 6 р. — для привилегированных сословий. Случилось так, что в Сургутский уезд, не в пример Тобольскому и Березовскому у.у., в первую половину 1906 года попали в большинстве привилегированные, которых оказалось 24 человека. Все они получали по 6 р., остальные 8 ч. — по 1 р. 80 к. Но, несмотря на столь «счастлиное» соотношение между «подлыми» и «привилегированными» ссыльными, положение большинства их было тяжелым. Об этом говорят данные сургутской анкеты, относящейся к концу июня 1906 г. Разбив всех ссыльных Сургутского уезда на 3 группы, в порядке нисходящего материального благополучия, мы получим следующую картину.

Первая группа. Сюда входят политссыльные, получавшие из разных источников (из дому, от казны, при помощи заработков) менее 10 р. в месяц. Таких в Сургутском уезде из общего количества 32 ч. оказалось 16 чел., т.-е. ровно половина (50%), а вместе с членами семьи, живущими совместно со ссыльными, 21 ч. (52,5%). Почти половина членов этой группы получала казенное пособие в размере 1 р. 80 к.; трое из них не имели ни заработков, ни получек из дому; один получил из дому за все время 5 р. и случайно заработал 10 р.; двое не получили из дому ни копейки, но имели случайные небольшие заработки. Для дополнения картины добавим, что у многих остались дома семьи, жившие трудом сосланных.

Во вторую группу входят лица, получавшие в среднем более 10 р. в месяц на человека. Их отличие от следующей, высшей группы ссыльных заключалось в непрочности источников их существования. Все их «благополучие» было основано на случайных получках из дому или (что было крайне редко) на случайных же заработках. Стоило только прекратиться этим получкам и заработкам, как всему этому благополучию приходил конец. Очень многие из этой группы быстро спускались в первую. Входило в нее 10 человек (31%), а вместе с семьями — 11 чел. (27,5%).

Третью группу составляли лица, получавшие или имевшие возможность получать регулярно более 10 руб. в месяц на человека. Эта группа могла быть спокойна за свое существование, но в нее вхо-

¹ В дальнейшем мы пользуемся материалами, оставшимися после смерти В. Ф. Костюрина, отбывавшего в 1906 г. ссылку в Сургуте.

длю всего 6 человек (или 19%), а вместе с членами семьи—8 человек (20%).

Подведем итоги нашему подсчету:

	Без семей.	С семьями.
I группа (крайне необеспеч.)	16 чел. (50%)	21 чел. (52,5%)
II » (с непрочным обесп.)	10 » (31%)	11 » (27,5%)
III » (обеспеченных)	6 » (19%)	8 » (20%)
	<u>32 чел. (100%)</u>	<u>40 чел. (100%)</u>

Другими словами, только 1/3 часть сургутских ссыльных могла быть уверенной в завтрашнем дне; все остальные не имели постоянных и достаточных источников существования.

Мизерность получаемого ссыльными пособия была не единственным злом, тяготевшим над ними. Администрацией делалось все, чтобы усугубить тяжесть их материального положения. Как находящимся под гласным надзором полиции, ссыльным была воспрещена педагогическая, адвокатская и даже сценическая деятельность. Впрочем, и при отсутствии запрета на эти виды деятельности ссыльные не смогли бы найти мало-мальски заметного применения своим знаниям. Представители физического труда также лишены были возможности зарабатывать для себя средства к жизни, так как хлебопашества здесь нет, для рыбной ловли необходима предварительная затрата средств для приобретения сетей, неводов и лодок; для занятия ремеслом нужны инструменты и хотя бы небольшой оборотный капитал; для охоты и кедрового промысла необходимы, кроме того, еще и дальние отлучки, для которых каждый раз требовалось отдельное разрешение.

Летом 1906 г. к прежним прелестям прибавилась еще одна гнусность: исправником было получено распоряжение губернатора задерживать выдачу пособия всем тем, кто получил деньги на пути в ссылку, а на будущее время забирать справки из местной почтовой конторы и получившим денежные переводы не выдавать казенного пособия до тех пор, пока не иссякнут полученные средства (из расчета получаемого пособия). Кое-кому, относительно которых имелись сведения о полученных ими суммах, были указаны и сроки лишения их казенного пособия: одному—2 года, другому—несколько месяцев. Между тем всем ссыльным пришлось в пути (главным образом в Тобольске) обзаводиться теплой одеждой, а по дороге—помогать товарищам. Еще до прибытия в место «водворения», израсходовав все деньги и лишены на долгий срок права на получение казенного пособия, эти товарищи оказывались в не менее тяжелом положении, чем те, кто вовсе никаких получек не имел.

Лишенные заработка и средств к существованию, сургутяне предвидели в дальнейшем еще более безотрадную жизнь, так как количество ссыльных увеличивалось с каждым этапом, цены на продукты и квартиры росли, а возможность найти работу сокращалась в полном соответствии с увеличением количества претендентов на нее.

Это обстоятельство заставило обратиться в Госуд. Думу с тревогой телеграммой, посланной по поручению ссыльных их представителем В. Ф. Костиориным (2^а) и адресованной левым депутатам Аладьину и Раминвили. Телеграмма гласила: «В Сургутский уезд административно сослано 32 человека. Больше половины бедствуют. Казенное пособие —1р. 80 к. и 6 р., заработков никаких. Продолжение ссылки и увеличение ссыльных обострит положение. Положение ссыльных Тобольского и Березовского у. окончательно безвыходное и грозит осложнениями и крупными несчастиями».

Однако, поток ссыльных не прекращался, стали расселять и по селам, и к зиме 1906—7 года в Сургуте и его уезде скончилось около 75 человек. Шел главным образом «массовик». В Сургутский уезд был заброшен в эти годы живой осколок 1905 года. Безвестные крестьяне, рабочие, учителя и студенты, выброшенные волною 1905 г. на печальные берега Оби, окончив свои сроки, снова вернулись к трудовой жизни, и в памяти сургутян лишь немногие из них оставили свои имена. Это была безымянная ссылка по преимуществу. Из «имен», обращавших на себя внимание, можно отметить только одного старого пародника В. Ф. Костиорина, некогда прославленного своим побегом «Алешу Поповича», впоследствии обосновавшегося в Тобольске в роли редактора «Сибирского Листка», в 1906 г. высланного оттуда в Сургут и снова вернувшегося к редакторскому креслу.

К зиме 1906—7 г. часть ссыльных была переведена из уезда в самый Сургут.

В последующие годы, вплоть до 1909 г., количество «политиков» все возрастало, перевалив за 100. Вместе с ростом количества ссыльных круто изменилось и соотношение между привилегированной и непривилегированной частями ссыльных, в сторону увеличения последней. И сургутская ссылка стала преимущественно рабоче-крестьянской по своему социальному строению.

В поисках выхода из тисков нужды ссыльные решили использовать силу коллектива. Были организованы столовая и ряд артельных мастерских—сапожная, столярная и др. Но микроскопический Сургут не в состоянии был дать работу столь большому количеству пришельцев из «России», и материальное их положение продолжало оставаться чрезвычайно тяжелым.

А из Тобольска слали циркуляр за циркуляром, точное выполнение которых поставило бы ссыльных в совершенно безвыходное положение. К счастью, далеко не все циркуляры исправник решалось проводить в жизнь. Последние лет двадцать, до самой революции 1917 г., исправником в Сургуте был некто Пирожников, человек тихий и робкий. Говорят, что в молодости он собирался уйти в монастырь, но попал на полицейскую службу и дослужился до поста исправника. И этому-то монашествующему исправнику пришлось иметь дело с переброшенной в Сургут волынцой 1905 года, среди которой было немало людей с экспроприаторской психологией. С

самого же начала Пирожников сдался и предпочел не обострять отношений со ссыльными. Строгие губернаторские предписания о них за «незаконные отлучки», ни за пользование охотничьим оружием. Благодаря его попустительству, ссыльные организовали свой клуб, читальню и школу и время-от-времени устраивали лекции.

Не решился исправник пустить в ход аппарат репрессий и в более серьезном случае, когда ссыльные устроили в центре города шумную «маевку». Было это 1 мая 1909 г. С утра помещение артельной столярной мастерской, для которой было отведено ссыльным старое здание школы, было разукрашено красными флагами, а на крыше мастерской развевалось знамя с революционной надписью. Испуганные обыватели наблюдали издали за всем происходившим в мастерской. Из открытых окон последней доносились отрывки речей, слышались революционные песни. Помощник исправника Шубин хотел было прекратить столь явное нарушение полицейского «порядка», но ни один из стражников не решился не только пустить в ход силу, но даже приблизиться к поющим.

— Лучше увольте, а туда не пойдем, — категорически заявили стражники.

Узнав о неудавшейся попытке Шубина разогнать маевку, исправник призвал его к себе и зло прошипел ему обидные слова:

— Ты дурак! Или тебе жизнь надоела? Пускай себе говорят, что им надо. Ведь беспорядка они не производят?

Однако, не замедлил произойти и самый доподлинный «беспорядок»: окончив собрание, ссыльные высыпали из мастерской на улицу и гурьбой прошли по городу, закрывая лавки.

Полиция не вмешивалась.

В этот день в Сургуте не было власти. Был только монах в мундире исправника и трепещущие сургутские мещане в мундирах и без мундиров.

Было и еще одно событие, которое прочно осталось в памяти сургутян и которое послужило поводом к рассылке «политических» по уезду. Один из политссыльных, студент Григоренко, был заподозрен своими товарищами в службе полиции. В отсутствие Григоренко на его квартире был произведен обыск, давший в руки ссыльных уличающий материал.

В ту же ночь Григоренко был найден убитым возле села.

В ответ на это убийство шпиона, прибывшими из Тобольска жандармами большинство ссыльных было разослано по всему уезду. С лета 1909 г. ссыльных можно было встретить не только в ближайших к Сургуту селах (Тундрино, Юган Локосово), но и в далеком с. Александровском и в еще более далеком и глухом с. Ларьяке, на р. Вах, в 500 килом. от Сургута. В Ларьяк попали текстильщик Муценек (с.-д.) и слесарь Тиборт (с.-р.). Оба они прожили в Ларьяке несколько лет, и пребывание их в этом центре ваховских остяков оставило

заметный культурный след. Тиборт открыл в селе кузницу и научил остяков элементарным кузнечным работам. Муценек увлекся сельскохозяйственными опытами и доказал возможность разведения в Ларьяке картофеля и других сельскохозяйственных растений. Позднее, в 1915 г., им был организован в Ларьяке потребительский кооператив.

Разбросанная по всему уезду, расплывшаяся на части, массовая политическая ссылка после 1905 года начала быстро чахнуть, и к 1912 г. от нее остались единичные лица, добровольно поселившиеся в Сургуте и его уезде по окончании своих сроков.

Однако, ссылке в Сургут не суждено было умереть.

В феврале 1912 г. на смену уехавшим была прислана новая группа ссыльных, и с этого момента ведет свое начало последний предреволюционный период сургутской ссылки. Он длился ровно пять лет. Самой характерной и знаменательной его чертой был сугубо-пролетарский состав новой ссылки. Если в 80-х годах и даже в первой половине 1906 года рабочие топили в массе интеллигенции, то в период 1912—1917 г.г. рабочие составляли, наоборот, основную массу сургутских ссыльных, и представители умственного труда были среди них редким исключением.

Первый же этап отразил на себе эту особенность новой предреволюционной ссылки. С ним прибыло из Варшавы 8 человек, и все они были рабочие. Мы считаем необходимым зафиксировать их имена, пока короткая человеческая память не зачеркнула их бесследно и навсегда. К сожалению, имя одного из этой восьмерки пролетариев уж улетучилось из памяти сургутян, а восстановить его иными способами пока не удалось. Вот имена привезенных с первым этапом 1912 года: 1) А. Антоевич, конфектик (по убеждениям анархист); 2) Ад. Барутто, слесарь (П.П.С.)⁽²⁷⁾; 3) Ч. А. Герватовский, пекарь (до ссылки—с.-д., в ссылке—П.П.С.⁽²⁸⁾); 4) С. Н. Дружинский, забойщик скота (бесп.)⁽²⁹⁾; 5) Н. А. Залезинский, токарь (с.-д.); 6) Вик. Юз. Сечко, фабричный рабочий (Нац. рабочий Союз); 7) Владислав Ющинский, рабочий (П.П.С.). Все они были высланы в административном порядке сроком на 5 лет.

В последующие годы политссыльные прибывали в Сургут лишь в редких случаях, но опять-таки все они были пролетариями или ремесленниками. Всего за 5 лет в Сургут было выслано до 20 человек. Помимо перечисленных выше 8 польских рабочих, в Сургуте за эти годы перебивали в ссылке следующие лица: учительница Юл. Петр. Горская, слесарь Петр Вас. Перевозников, рабочий-шахтер Петр Емельянец, И. Муратов (интел.), портной А. П. Монахов, из Киева (с.-д.), кондитер Вл. Юргенсон, из Петербурга (с.-р.), Моисей Кордонский, из Бердичева (анарх.)⁽³⁰⁾, и два-три товарища, имена которых остались не выясненными.

Последние перед революцией ссыльные очутились в условиях, гораздо более терпимых, чем те, в которых пришлось жить их пред-

шественникам. В 1911 г. от Сургута на Тобольск протянулась телеграфная проволока, и весной и осенью не так уже остро чувствовалась во время распутицы оторванность ссылки от культурного мира и близких людей. Материальное положение ссыльных также изменилось к лучшему: вместо прежних 1 р. 80 к. ссыльные получали теперь от казны сначала 6 р. 80 к., а с 1914 г.—8 р. 60 к. в месяц, 2 раза в год выдавалось одежное пособие: зимою—свыше 41 р., летом—13 руб. Правда, жизнь несколько вздорожала, но цены на продукты и квартиры поднялись на незначительную высоту: мясо стоило 2 руб. 80 коп.—3 руб. 20 коп. (16 килограмм), молоко—5—7 коп. (крынка) и т. д.

Исправником в Сургуте продолжал служить все тот же Пирожников, предпочитавший не портить отношений со ссыльными. Благодаря этому ссыльные беспрепятственно занимались охотой, рыболовством и сбором кедровых орехов. Бывали случаи продолжительных и отдаленных отлучек ссыльных в поисках заработка. Так, напр., в 1913 г. трое ссыльных (Антоевич, Залезинский и Муратов) были отпущены исправником за сбором орехов на р. Балык (более 100 килом. от Сургута), откуда они вернулись только через 1½ месяца. Охотничьи ружья держались открыто, красуясь на стенах квартир ссыльных. «Черты оседлости» фактически не существовало, и ссыльные свободно бродили по окрестностям Сургута. Но не было и побегов, и может-быть этому обстоятельству следует отчасти приписать относительную легкость условий здешней ссылки за последний период ее существования.

Однако и в эти лета были и столкновения, и жертвы, и не все дождалось свободы, когда ее принесла революция.

После первого же столкновения из-за настойчивого требования «скопом» одежного пособия, трое политссыльных (Герватовский, Сечко и Ющинский) были отправлены в с. Александровское на Оби. Там двое последних вскоре же погибли. В. Ющинский пошел ставить ловушки, попал на Оби в полынью и утонул. Тело его весной было найдено ниже Александровского, в с. Нижне-Вартовском, и там же погребено. Через неделю после гибели Ющинского умер и В. Ю. Сечко, задохнувшись в эпилептическом припадке. Эта смерть должна быть поставлена в вину варшавским охранникам, во время ареста Сечко подвергшим его бесчеловечным истязаниям. В свое время избиение Сечко получило широкую огласку и послужило предметом запроса в Госуд. Думе. После избиения, во время которого Сечко было нанесено до 100 ран, он и стал страдать припадками эпилепсии, приведшей его к преждевременной смерти.

Оба погибли молодыми людьми. В самом Сургуте в столкновении с товарищами погиб от удара камнем еще один из восьми рабочих, приехавших в 1912 г. (фамилия его забыта). По этому делу А. Антоевич был приговорен к 1 году тюрьмы.

— 113 —
В 1916 г. половина сургутских ссыльных, до истечения срока, была мобилизована и отправлена за пределы Тобольской губернии. Малосрочные, окончив ссылку, уехали домой, и революция 1917 г. застала в Сургуте только трех ссыльных—М. Кордонского, А. П. Монахова и В. Юргенсона.

Несмотря на свою малочисленность, ссыльные последнего предреволюционного периода с честью поддержали общую традицию всей сибирской ссылки, внося и свою долю энергии и знаний в дело культурной перестройки Сибири на началах коллективизации. Инициативе последних политических ссыльных обязан Сургут появлением в нем первых ячеек кооперации—потребит. о-ва «Север» и кредитного товарищества. Это—первые кооперативы, которые Сургутский край увидел вообще. Потребит. о-во «Север» было основано в феврале 1914 г. Всю подготовительную работу по организации кооператива вели политссыльная Ю. П. Горская и бывший политссыльный Тим. Ив. Миронов, столяр, отбывший в Сургуте ссылку в период 1906—1911 г.г. Работа Ю. П. Горской протекала вне поля зрения непосвященных в нее лиц, хотя, по словам ее товарища С. Н. Дружинского, именно она натолкнула на мысль организовать кооператив и она же невидимо толкала вперед официальных учредителей об-ва. Первым председателем правления был избран Т. И. Миронов, в 1917 г. выдвинувшийся в качестве одного из энергичных руководителей вновь образовавшегося в Тобольске Обь-Иртышского Союза Потр. О-ва.

В организации сургутского кредитного товарищества, открытого летом 1914 года, приняли участие тот же Т. И. Миронов и политссыльный И. Муратов.

В 1917 году б. политссыльный Ч. А. Герватовский основал в селе Александровском потреб. о-во «Прогресс».

Прибавив к только что перечисленным кооперативам основанное б. политссыльным Муценком в 1915 г. в с. Ларьяке потреб. о-во, мы можем сказать, что все сургутские кооперативы, основанные до 1917 года включительно, обязаны своим появлением политической ссылке.

Чтобы покончить с нашим обзором, упомянем о судьбе последних политических ссыльных Сургута. Около половины их во время революции вошли в ВКП(б), а двое погибли в гражданской войне: Адам Барутто в 1918 г. (расстрелянный Колчаком) и Антон Антоевич—в 1921 г. (обстоятельства его насильственной смерти неизвестны).

В заключение—несколько слов по поводу характера и степени достоверности сведений, сообщенных в настоящем очерке. Его пришлось писать на месте, по истершимся следам ссылки, без возможности пользоваться сколько-нибудь значительными архивными данными. Местные сургутские архивы были вывезены весной 1927 г.

в Тобольск, и возможно, что их постигла печальная судьба: летом 1927 г. значительная часть тобольских архивов была отправлена в переработку на бумажные фабрики Тюмени и Свердловска, и только часть их подоспевшему представителю Централархива удалось спасти.

Значительная часть материала, вошедшего в очерк, основана на устных рассказах сургутских старожилов. Хотя эти рассказы подвергались перекрестной проверке, нельзя ручаться, что в них не выкралось кое-каких ошибок, — особенно в датах. Другое дело — старые записки и свежие письма бывших политссыльных Сургута, которые (письма) оказались в распоряжении автора благодаря любезности М. Н. Костюриной, А. Н. Лебедева и С. П. Швецова. Эти письма и записки хранят в себе драгоценный и вполне достоверный материал, которым автор широко пользовался при составлении очерка.

Наконец, были использованы и некоторые литературные источники.

Ошибки и пробелы, от которых трудно было уберечься при данных условиях работы, можно будет легко вскрыть и исправить, если останутся в живых товарищи, побывавшие в сургутской ссылке, поделаются своими воспоминаниями и сделают все необходимые замечания.

Полная и достоверная история сургутской политической ссылки должна быть написана самими ссыльными.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Уже после составления очерка были получены сведения о двух политссыльных, попавших в Сургут в 900-х гг. Первый из них — *Гусев, Иван Филиппович*, в 87 г. высланный из Москвы в Каркарлинск, Семипалатинской обл., по делу М. Р. Гоца, а в 1903 г. сосланный из Омска в Сургут и умерший в Ташкенте в 1908 г. Другой — *Хацкелевич, Иван Гиршевич*, князь, родившийся в 1879 г. Романовец. Бежал из ссылки. Из Якутска попал административно в Сургут, а оттуда — в Березов. Год пребывания Хацкелевича в Сургуте неизвестен.

2. *Иванов, Лев Андреевич*. Штабс-капитан в отставке. По процессу «50» осужден в ссылку на поселение. Ссылку отбывал в г. Туринске, откуда за участие в побеге Жебунева был в октябре 1880 г. переведен в Сургут. Умер на пути из Сургута в Тобольск в 1888 г.

3. *Агапов, Семен Иванович*. Московский рабочий. Арестован 4/IV 1875 г. На суде «50» произнес «небольшую, искреннюю, вполне литературную речь» (отзыв В. Н. Фигнер). Был осужден в каторгу на 3 года и 4 месяца, замененную ссылкой на поселение.

4. *Прушакевич-Аверкиева, Елена Ивановна*. Арестована 31/V 1874 г. в Саратове в сапожной мастерской, основанной в том же месяце Войшалевским для обучения мастерству лиц, готовившихся идти «в народ». По процессу «193» была осуждена в ссылку на поселение. После побега Лебедева и Лазаревича была выслана вместе с мужем и детьми на шибобья Оби, в с. Муши.

5. *Мрочковский, Виталий Яковлевич*. Машинист г. Одессы. Родился в 1855 г. Член «Южно-Росс. Союза Раб.». В 1877 г. был осужден в ссылку на поселение и в том же году в кандалах доставлен в Сургут. После побега Лебедева и Лазаревича был переброшен на шибобья Оби. В 90-х гг., окончив ссылку, работал машинистом на Пермской ж. д. Участник революции 1905 г. Был членом Р.С.-Д.Р.П., а впоследствии — ВКП(б).

Умер 5/II 1924 г. и похоронен на площади «Уральских Коммунаров» в г. Свердловске.

6. *Зотов, Николай Львович*. Родился в 1863 г. в Таврической губ. Б. студент-петровец. По делу Кангера был выслан в июне 1887 г. на 3 лет в Туринск, Тоб. губ., переведен затем в Сургут, а оттуда «за неповиновение властям» — в Якутку с удлинением срока на 2 года. Принял участие в «Монастырском» деле (22/III 1889 г.) и был повешен в Якутске 7/VIII 1889 г.

7. *Ораов, Михаил Петрович*. Родился в 1863 г. Сын чиновника. Студент петерб. ун-та. В 1885 г. по Лопат. делу был выслан адм. порядком на 3 года в Ялуторовск, Тоб. губ., откуда переведен в Сургут. В 1888 г. за «беспорядки и неповинов. властям» О. вместе с Зотовым и др. попал в Якутку, где 22/III 89 г. был ранен и осужден в бессрочную каторгу, которую отбывал в Вилюйске. Живет в Полтаве.

8. *Фалин, Николай Яковлевич*. Род. в 1852 г. Сын подмоск. фабриканта. Студент Пет. Технол. ин-та. По делу об участии в демонстрации на Клязьминск. площади был осужден в январе 1877 г. в ссылку на поселение. В Сургут попал, вероятно, осенью 1877 г., переведенный туда из Туринска. В ноябре 1882 г. уехал из Сургута в Курган, откуда в конце 1883 или в начале 1884 г. — в г. Тару, где в 1885—86 гг. психически заболел и был отправлен в Тобольск в сумасш. дом. Где и когда умер — точно неизвестно. Есть непроверенное сообщение о смерти Ф. в Тобольской больнице в 1902 г.

9. *Панин, Иван Иванович*. Сын мелкого полиц. чиновника. Студент моск. ун-та. Родился в Сургуте в 1849 г. Один из первых народников-пропагандистов, член кружка Долгушина. Осужденный на 6 лет каторг. работ, был отправлен в Нюнобел. тюрьму Харьк. губ., — один из самых суровых по режиму централов 70-х гг. В 1880 г. прибыл на поселение в Иркут. губ., откуда переведен в Якутскую обл. Жил в Амгинской слоб., в одной юрте с В. Г. Короленко, занимаясь сельским хозяйством. В 1884 г., по коронационному манифесту 83 г. переведенный в разряд сосланных на жительство, переехал на родину, в Сургут. Умер в Тюмени, где служил управ. порох. конторы Игнатова.

10. *Швецов, Сергей Порфирьевич*. Родился в 1858 г., участник «хождение в народ». Арестован в Тифлисе в 1876 г. После трех лет одиночного заключения, 22/V 1879 г. был осужден на вечное поселение, за пропаганду социалистических идей среди крестьян Череп. у., Новгород. губ. Осенью 1880 г. прибыл в Сургут. В 81 г. переведен в г. Тару, в 85 г. — в Тюкалинск, в 87 г. — в Ялуторовск. В 88 г. получил право передвижения по Сибири и перебрался в Барнаул, а в 1896 г. — в г. Омск. Выехал из Сибири в 1905 г. Активный участник революции 1905 г. и 1917 г. Автор многочисленных трудов по вопросам сибирской общины, артелей, промыслов, переселения и пр. Живет в Ленинграде.

11. *Яковлев, Василий Яковлевич*, лит. псевдоним «Богучарский», «Бавилевский». Род. в Ворон. губ. Отставной поручик. По делу военной организации «Нар. Воли» был сослан в 1885 г. в г. Туринск на 3 года, откуда в 87 г. переведен в Сургут, а затем в Вилюйск с продлением срока на 2 года. В Россию вернулся в 1890 г. и поселился в Воронеже, а затем в Петербурге. Автор книг «Активное народничество», «На истории полит. борьбы в 80-х гг.», «Госуд. преступления в России» и др. Умер.

12. *Гуревич, Моисей Давидович*. Сын купца. Студ. Харьк. вет. ин-та. Родился в 1862 г. За принадл. к «Общестуденч. союзу» был выслан в 1886 г. на 3 года в Туринск, а 87 г. переведен в Сургут, откуда «за несносный дерзкий характер» был переброшен сначала в Обдорский край, а затем в Вилюйск, с увелич. срока на 2 года. Осенью 89 г. был взят на военную службу. В том же 89 г. привлекался по делу о составлении группной ссылки в Вилюйск округа адреса «Гражданам франц. республики», со-

ставленного или по случаю столетия франц. революции. Стал на путь провокации и принял имя Михаила Ивановича Гуровича, Г. играл крупную роль среди охранников.

13. В 1879 г. был прислан в Сургут поляк-националист *Овсенья*, старик лет 50, админ. высланный из Варшавы за участие в кружке польских патриотов, имевших целью освободить Польшу. Овсенья резко отмежевался в Сургуте от колонии пол. ссыльных, которые после 1/III 1881 г. бойкотировали его.

14. *Лейвин, Дмитрий Дмитриевич*. Студент Киев. ун-та. За поощенную ректору ун-та Матвееву была в адм. порядке сослан в Полтаву, куда незадолго перед тем был выслан из Киева. Прибыл в Сургут 5/VII 1879 г., а ровно через 3 года (5/VII 82 г.) выехал по этапу в Омск. Живет в Полтаве.

15. *Аверкиев, А. И.* В 1877 г. печатал в своей велег. типографии речи подсудимых на процессе «50» и листки по поводу процесса. О Е. И. Прушакевич-Аверкиевой см. выше, примеч. 4-е.

16. *Броневский, Валерий Алексеевич*. Род. в Таганроге 21/XI 1858 г. Сын агронома. Студ. Пет. ун-та. Еще гимназистом знакомился с Клеменцом и Паехановым. Позднее вступает в «Н. В.». В феврале 80 г. Б. был арестован и просидел в Петроп. креп. полтора года. В августе 81 г. Б. был назначен в адм. ссылку в Ишим, Тобольской губ., сроком на 4 года, около 1884—5 г.г. из Ишима выслан в Сургут. Фактически пробыл в ссылке 8 лет, так как четыре раза ему было прибавлено по году за разного рода протесты. По окончании ссылки Б. поселился на Кавказе. В 1905 г., вернувшись на родину, в том же году во время перестрелки между рабочими и казаками на митинг казаками Б. был ранен и арестован, но бежал из больницы. В сентябре 1906 г. Б. снова арестован и в 1907 г. киевским воен. судом приговорен на 4 года в каторгу. В 1910 г. вышел на поселение, откуда вернулся в Таганрог уже после февр. революции. Умер в Таганроге 12/I 1928 г.

17. *Гомалицкий, Н. И.* Студент. Арестован в Петербурге 1/IV 1881 г. на улице, вместе с чл. Имп. Ком. «Н. В.» Г. И. Исаяном и студентом П. П. Подбельским. Был сослан в адм. порядке в г. Тару, откуда около 1884 г. переведен в Сургут, а из Сургута в Березов, Тоб. губ., где и закончил ссылку.

18. *Лебедев, Александр Никифорович*. Род. в Воронеж. губ. По делу организации револ. кружков был сослан в 1887 г. административно на 4 года в Ялуторовск, в том же году переведен в Сургут, откуда благополучно бежал в марте 1888 г. вместе с Лазаревичем. Вскоре был вновь арестован и сослан в Якутку, где был поселен в устье Лены. Живет в Москве.

19. *Неклепаев, Иван Акимович*. В Сургут был переведен из с. Кондинского, на Оби, куда был выслан по делу смоленских семинаристов вместе с Петровским А., также отбывавшим свою ссылку в Сургуте. По окончании ссылки Н. поступил в Петроп. акад. и, окончив ее, служил агрономом в Вологодской губ.

20. *Лазаревич, Иван*. Был админ. выслан на 4 года из Киева в Туринск по делу организации кружков «Н. В.» Из Туринска переведен в 87 г. в Сургут. В 88 г. бежал вместе с Лебедевым за границу, где и до сих пор живет (в Бельгии).

21. *Вадзинский, Александр Тарасович*. Сын священника Подол. губ. Студент Петр. ун-та. Был выслан на 3 года в Сургут по делу «о противоправ. движении, обнаруженном среди воспитан. Немировской гимназии». С переводом в Якутку в 1888 г. срок ссылки В. был увеличен на 2 года. Умер.

22. *Молдавский, Александр Викторович*. Сын сивш. б. семинарист. В 1886 г. был администр. выслан в Ялуторовск за участие в киевских револ.

кружках. В 87 г. был выслан из Я. в Сургут за миним. побег, а оттуда переброшен в Вилюйск, Якут. обл., с увеличением срока на 2 года. Умер.

23. *Дибобес, Янкель Иоселич*. Мещанин Ков. губ. По делу «стуч. тип.» «Н. В.» был админ. выслан в 85 г. из Киева на 5 лет в Туринск, а оттуда—в Сургут (1887 г.). Переброшенный в Вилюйск с увеличением срока на 2 года. Д. через год был переведен в с. Чурапчу, Батурус. улуса.

24. *Струмиляло-Петрашкевич, Чеслав Мечеслав*. Саратовец. В Сургут был выслан по народовой. делу в 1888 году, в 1905 г. за принадлежность к с.р. был осужден иет. суд. палатой на каторгу, но попал под амнистию 1905 г. и был освобожден. В 1918 г. был расстрелян в Астрахани.

25. См. примечание 1-е.

26. *Костюрин, Виктор Федорович* («Алеша Попович»). Род. 24/VII 53 г. в Херс. губ. Студ. Новорос. ун-та. Член одесского кружка чайковцев (Волховский и др.). Затем—киевский «бунтарь». Арест. в 77 г. в Одессе, но при помощи М. Ф. Фроленко бежал из жанд. казарм. Вновь арестованный в Херсоне, К. судился по процессу «193» и был приговорен к ссылке на житье. По новому делу о покушении на убийство предателя Горюновича был приговорен к смертной казни, замененной 15-летней каторгой. Срок отбывал на Каре, поселение (1886—1893 г.г.)—в Якут. обл., где женился на адм.-сс.—М. Н. Емельяновой, высланной по делу Германа Лопатина. С 94 г. жил в Тобольске, откуда в 906 г. был выслан в Сургут, но в августе того же года возвращен в Тобольск. Редактор «Сиб. Листка». Умер в Тобольске 2/VI 1919 г. О нем см. в брошюре М. Ф. Фроленко—«В. Ф. Костюрин», М. 1928 г. Деш. 6-ка «Кат. и Сс.» за 1928 г., № 10.

27. *Барутто, Адам*. Слесарь. Род. в 1890 г. Был выслан из Варшавы в 1912 г. по делу П.П.С. В 1918 г. вступил в ВКП(б). Был арестован колчаковцами и расстрелян при отступлении в Нерчинске.

28. *Герваговский, Чеслав Александрович*. Род. в 1891 г. Рабочий-печник. В 1918 г. вошел в ВКП(б), но был исключен. В настоящее время—председатель правления Сург. кооп.-интегр. т-ва «Промышленник».

29. *Дружбинский, Станислав Николаевич*. Родился в 1891 г. Живет в Сургуте, занимается рыболовством и забойкой скота.

30. *Кордонский, Моисей*. Во время революции вошел в ВКП(б). Живет в Тобольске и служит в изоляторе особ. назначения.